

Л.А. БЕККЕР
(Волгоград)

АРХЕТИПЫ УНДИНЫ И ВАМПИРА В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

На материале повести «Тамань» проанализирована архетипическая основа образной системы романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В структуре образа Печорина реализуется архетип вампирического героя, а образ девушки-контрабандистки восходит к мифологическому архетипу ундины-русалки, получившему широкое распространение в русской и европейской романтической литературе первой половины XIX в.

Ключевые слова: архетип, вампир, ундина, русалка, заложенный покойник, метафора, фольклоризм, демон, мотив, мифология, быличка.

В повести Лермонтова «Тамань» описывается странное происшествие, случившееся с главным героем романа «Герой нашего времени» во время его пребывания в маленьком «скверном городишке».

Одним из ключевых персонажей этой повести является девушка-контрабандистка. В структуре ее образа, по замечанию современного исследователя, лежит архетип «чудной девы». В фольклоре выделяются три наделенные разными сюжетными функциями женские фигуры — девы-спасительницы, девы-губительницы и девы погубленной, рассматриваемые как реализации единого для них архетипа Чудной Девы. Этот образ сопряжен у Лермонтова с лунным тематическим комплексом и с определяющими для лермонтовского человека модусами «переоблачения» мира — памятью и воображением [3, с. 65–73].

Изображая свою героиню в повести «Тамань», писатель наделяет ее чертами водной девы-русалки. Очевидно, что ему хорошо знакомы славянские былички о русалках, устные рассказы о вмешательстве в людскую жизнь сверхъестественных сил. Возможно здесь и некоторое влияние германо-скандинавского фольклора, где встречается персонаж, аналогичный нашей русалке — ундина [1, с. 294]. Ундины в фольклоре народов Европы — духи воды. Чаще всего это прекрасные девушки, иногда с рыбьими хвостами, которые, выходя из воды в лунные ночи и расчесывая свои великолепные волосы, пенем и красотой завлекали путников в глубины. Ундины могут погубить их или сделать возлюбленными в подводном царстве. Они соблазняют мужчин, потому что если родят ребенка от земного человека, смогут обрести бессмертную душу.

Герой Лермонтова вмешался в простую жизнь «честных контрабандистов». Его привлекли загадочные ночные обстоятельства — он видит, что слепой мальчик и девушка поджидали лодку с контрабандистом Янко. Заметив Печорина, девушка повела себя двусмысленно: *вертелась около моей квартиры: пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо!* [2, с. 56]. Ее нежный взгляд Печорин воспринял как обычное женское кокетство, но он напомнил герою взоры светских красавиц и вызвал прежние порывы страсти. В довершение всего последовали «влажный, огненный поцелуй», назначенное свидание и признание в любви. Герой почувствовал опасность, но все-таки был обманут: не любовь была причиной демонстративной нежности и пылкости, а угроза Печорина донести коменданту. Девушка верна контрабандисту Янко, и ее хитрость служила лишь средством для расправы с Печориным, чтобы во время морского свидания утопить его.

Фольклорный «русалочий» комплекс наполнен в повести социально-психологическим содержанием. Эпизод с «ундиной» обнаруживает внутреннюю слабость героя, его чуждость естественному миру простых людей, неспособность понять заботы и тревоги их жизни.

В поэзии Лермонтова русалки стали главными героинями баллады «Морская царевна» и стихотворения «Русалка»:

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны* [Там же, Т. 1, с. 455].

Подводный лунный мир – мир иной, потусторонний, русалка в славянской мифологии и фольклоре – человекоподобное существо, преимущественно женского пола, связанное с водоемами, ржаными полями и лесом, часто — утопленница (заложный покойник).

Как и фольклорной русалке, героине повести Лермонтова сопутствуют мотивы влажности и холода, выдающие ее лунную женскую природу. Начальный пейзаж здесь словно предвещает встречу с ней: луна одевается тучами, опускается туман, в разбитое стекло дома врывается морской ветер. Картина напоминает быличку. Вспомним, как описано у Лермонтова появление девушки-контрабандистки: *Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский, свежий голосок, – но откуда?.. Прислушиваюсь – напев старинный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь – никого нет кругом; прислушиваюсь снова – звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню. Я запомнил эту песню от слова до слова* [Там же, с. 56].

Печорин при всей своей опытности и проницательности очарован девушкой. Сначала «ундина» разыгрывает влюбленную: *«сажая меня на скамью и обвив мой стан руками», «я почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание»*; а затем пытается утопить Печорина, который не умеет плавать: *«как кошка вцепилась в мою одежду», «сверхъестественным усилием повалила меня на борт»* [Там же, с. 59]. Перемена в русалке так же внезапна, как и в балладе Лермонтова «Морская царевна»:

*Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат;
Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом* [Там же, Т.1, с. 124–125].

Интересно, что лермонтовские русалки после разоблачения главным героем приобретает змеиные черты. В балладе «Хвост чешую змеиной покрыт» («Морская царевна»), в «Тамани» – *«она, как змея, скользнула между моими руками», «пальцы ее хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку»* [Там же, с. 59] Змей — символ язычества, опасный демон, в славянском фольклоре под его обликом скрывается черт или ходячий покойник. Лермонтовская «ундина», по словам писателя, – «бес-девка» [Там же, с. 58].

Мы полагаем, что архетип русалки реализован в образе героини повести не случайно. Печорин, который считает себя орудием в руках судьбы, в этой повести становится в ее руках игрушкой. Он не может противостоять сверхъестественным силам, несмотря на свой острый ум. Он оказывается беззащитен, как ребенок, перед природой, перед потусторонними силами, чарам которых он так легко поддался. Мы наблюдаем сходство с быличками о русалках, погружаемся в атмосферу таинственности опасности с первых строк повести. Конечно, облик лермонтовской ундины не слишком похож на традиционных фольклорных русалок. Автор лишь намеками указывает на мифологическую природу образа контрабандистки, описывая длинные волосы, красивую песню, ощущения Печорина.

В образе главного героя романа присутствуют черты другого демонического персонажа – вампира. Вампир – существо «циклическое», его смерть – преддверие нового рождения. В романе Лермонтова кульминацией входящих в него повестей обычно служит чья-то смерть, виновником которой так или иначе является главный герой. Впервые на близость образа Печорина архетипу вампиру указал С.В. Савинков в своей книге о Лермонтове [3]. Вампирическое начало в Печорине можно объяснить влиянием некоторых романтических произведений, где фигурирует подобный персонаж. Это, например, «Гяур» Байрона (1813), «Кристалль» Сэмюэля Кольриджа (1816). Кроме того, известен глубокий интерес Лермонтова к демоническому фольклору.

Вампир – мифологическая или фольклорная нечисть, питающаяся человеческой или животной кровью. Образы вампиров из художественных произведений обычно имеют некоторые отличия от вампиров мифологических. В фольклоре этот термин обычно используется по отношению к кровососущему существу из восточноевропейских легенд, но часто вампирами называют и схожих созданий из других стран и культур. Аналогичный фольклорный персонаж восточных славян – Упырь (в славянской мифологии – заложный покойник), чаще всего умерший, который встает по ночам из могилы и поедает людей или высасывает у них кровь. Характерные черты вампира в фольклоре других народов сильно разнятся, но его основное отличие от иных демонических персонажей остается неизменным.

Печорин, конечно же, не пьет кровь, он, скорее, «энергетический» вампир, жаждущий обладать чужими душами. Ввиду своей «промежуточной» – между жизнью и смертью – природы вампир никогда не может насытиться. Сходные чувства испытывает и Печорин: *«я чувствую ненасытную жажду», «смотрю на страдания и радость других как на пищу, поддерживающую мои душевные силы»*. Печорин не позволяет себе привязываться к людям, он боится зависеть от кого-либо. Иногда складывается впечатление, что он действительно неживой. Как только Печорин чувствует в себе порыв «ожить» в отношениях с другими людьми – Грушницком: *«я бы бросился к нему на шею»*; о княжне Мери: *«еще чуть-чуть и я бы бросился к ее ногам»*; плачет как ребенок, когда теряет Веру – он пресекает этот порыв, возвращаясь в прежнее состояние.

Печорин не делает зла сознательно, но из-за его вампирической активности страдают люди. Женщины, столкнувшиеся с ним, испытывают в буквальном смысле физическое истощение. Бэла *«заметно начинала сохнуть, личико ее вытянулось, большие глаза потускнели»*, «бледные губы» Мери *«напрасно старались улыбнуться»* и *«ее нежные руки были худы и прозрачны»*, Вера, которая говорит Печорину, что *«моя душа истощила на тебя все свои сокровища»*, заболевает чахоткой.

Печорина влечет к смерти. Он хочет не прожить жизнь так, как Байрон или Александр Великий, а кончить, как они. Смерти не боятся только существа потусторонние, или пограничные.

Печорин, как покойник, замер во времени. Вампир останавливается в своем развитии, т.к. после смерти нет движения. Печорину кажется, что к нему хочет вернуться молодость, то он сам говорит, что на вид еще мальчик. Внешняя молодость контрастирует со старостью, его разочарованной в жизни души. Фольклорный вампир не имеет своей горячей крови и вынужден питаться чужой, чтобы поддерживать в себе жизнь. То, что Печорин не пьет кровь своих «жертв», не лишает его вампирической сути, он ведь живет жизнями других людей, чужими чувствами, чужим страстями. Сам же он холоден. Не потому ли он жаждет власти над чужими душами, что своя потеряна? Этим он пытается заполнить свою душевную опустошенность. *«Есть необъятное наслаждение в обладании молодой распустившейся души»*, – признается Печорин в своем дневнике [2, с. 91]. Автор романа прямо не называет главного героя вампиром, специфика использования фольклорных элементов в произведении не позволяет ему этого, он указывает на это с помощью метафор, в чем и проявляется особая магия фольклоризма этого романа.

Архетипы вампира и русалки появились в образной структуре персонажей романа не случайно. Они обнаруживают внутреннюю связь. Ведь контрабандистка – единственная женщина, не влюбившаяся в Печорина. Вероятно, ее русалочья природа была необходима писателю как противовес вампирическим наклонностям главного героя. Он не имеет над ней той власти, что имел над живыми душами. Только контрабандистка оказывается способной противостоять силе обаяния Печорина, потому что она из Потустороннего мира, их архетипические черты восходят к мифологическим представлениям о «заложных покойниках». Неспроста в портрете героини автор романа подчеркивает, что лицо ее *«было покрыто тусклой бледностью»* [Там же, с. 58].

Выявление мифологических и фольклорных архетипов ундины и вампира в образной структуре героев романа позволяет обнаружить глубинную связь прозы Лермонтова с традициями народной культуры.

Литература

1. Аникин В.П. Устное народное творчество. М., 2011.
2. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 1, Т. 4. М., 1976.
3. Савинков С.В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004.

Рекомендовано к публикации:

А.Х. Гольденберг, доктор филологических наук, профессор